● Субботний гость

Роман Балаян:

Известия. – 1998. – 16 мая. – С. 4.

Меня можно использовать только в мирных цепях

Роман Балаян родился в Нагорном Карабахе, стал кинорежиссером на Украине, а фильмы делает в Москве. Оказавшийся между двумя странами, не примкнувший ни к одному из политических лагерей, он исполняет одну из самых непростых ролей нынешнего времени — человека неприсоединившегося. Недавно вышедшая картина Балаяна «Две луны, три солнца» — о ему подобных людях. Его «Полеты во сне и наяву» продолжаются на новом витке.

— «Полеты» определили всю мою последующую жизнь. Они — как дамоклов меч: теперь все мои новые картины меряют «Полетами». Но они родились от пережитого. Тогда у меня был очень долгий простой. Я писал сценарии, но ни один из них не принимали. Хотел сделать фильм о Тарасе Шевченко, о том периоде, когда он, забритый в солдаты, уже получил известие, что свободен, и три месяца скрывал это, ожидая официальной депеши. Период вольной неволи показался мне интересным, я задумал венок сонетов. Но это не понравилось одному из украинских литературных «классиков» — почему, мол, фильм о национальном гении должен снимать армянин? Он пожаловался в республиканский ЦК партии, и мне не позволили снять картину. Я обиделся и сказал, что никогда больше не притронусь к украинской тематике. Тогда я впервые ощутил себя неполноценным гражданином.

— И теперь это чувство не прошло?

— Пройдет, когда президентом этой страны сможет стать неукраинец. Тогда пойму, что и я — действительно гражданин. И буду считать, что мое государство и родилось, и состоялось.

Мне предлагали принять российское гражданство и получить квартиру в Москве, где я работаю последние девять лет. Друзья уговаривали — стань россиянином, реши жилищный вопрос. Но такие вещи не по мне.

— «Полеты» вы снимали в Киеве, несмотря на то, что многие годы здесь прожили в «полном безвоздушье» — без съемок, без постановок в театре.

— Это была выстраданная картина. «Бирюка» я сделал в 1977-м. Разрешение на «Полеты во сне и наяву» получил только в 1982-м. Накопилась желчь, которую нужно было выгнать из себя через «Полеты». Когда начались съемки, меня обвинили в том, что я пригласил артистов из России, кричали, что это московский десант на Украину. Когда картина вышла, ее крутили исключительно на задворках, она не видела центральных кинотеатров.

Это единственный мой фильм, не побывавший ни на одном кинофестивале — его не разрешили вывезти даже на наши Дни культуры.

— Герой Янковского в «Полетах» стал символом «потерянных» поколений 70—80-х. Вы отождествили себя с кинообразом того времени. Как сложилась его жизнь теперь?

— Я задумал новый фильм на эту тему, который надеюсь вскоре сделать. Он и о внутреннем диссидентстве, которое тогда питало нас. Теперь оно не имеет смысла. Сейчас независимо от того, богат ты или беден, все равно что-то не складывается, и ты снова не можешь делать то, что хочешь. Вроде бы есть другой путь, а мы по-прежнему на горной тропе и никак не выйдем на прямую дорогу.

На героев «Полетов» теперь накатило смятение, они неприспособляемы к новым правилам существования, но и не хотят оказаться на задворках.

— Теперь ваша жизнь и жизнь вашего героя разошлись в разные стороны?

— Они достаточно схожи. Я тоже вроде хорошо устроен. На самом же деле — безумная тоска. Раньше я был далек от народа, считал, что он рабски следовал указаниям тогдашнего режима. Теперь у нас демократия, и 80 процентов людей живут нищенски. Понимаю, что помочь им нельзя, хотя сама эта мысль отвратительна. Но кино — наркотик, средство погашения стрессов. Человеку можно и нужно дать возможность отвлечься от своих проблем. Это, кажется, уже поняли российские кинодеятели, и никак не хотят осознать украинские.

— Этот бедный, неустроенный и занимающийся не тем, чем надо, человек, по-вашему, стал героем нашего времени?

— Он раздираем противоречиями, любовью и нелюбовью. Это время особенно старательно стирает человеческую индивидуальность, обязывает примкнуть к одному из лагерей. Сегодняшний герой, житель бывшей одной шестой, — в смятении. Нами кто-то управляет, нами командуют, нас куда-то ведут. Если раньше внутреннее диссидентство считалось благородным, то теперь я не знаю, что оно собой представляет. Вроде отмалчиваться нехорошо. А если не отмалчиваться, надо стать на чью-то сторону. Раньше неучастие, непричастность считались похвальными: была одна сторона — тоталитарная стена, ты был не с нею, а значит — против нее. Теперь сторон много. И если не примыкаешь к какой-либо из них, то ты ни с кем и ничей.

Когда идет становление ранее ущемленных государств, начинается болезненная борьба за «свою правду», она не терпит индивидуальностей, неучастие в ней становится чем-то вроде клейма. Если ты не согласен с общей мыслью митинга, который сейчас двинется влево, и пойдешь направо, тебя затопчут. Так случилось с Мерабом Мамардашвили, который выступил против избрания Гамсахурдиа.

Многие армяне считают, что я, рожденный в Карабахе, но не участвовавший в войне, занял неправильную позицию. Но я применим только в мирных процессах.

— Потому и ваш новый фильм «Две луны, три солнца» — о человеке, который не может и не хочет примкнуть ни к одному из враждующих лагерей?

— Главный герой фильма Алексей — полурусский-получеченец, живет в Москве, собирается защищать докторскую диссертацию. Он существует в своем мире до тех пор, пока перед ним не появляется человек из мест, «где не может быть хорошо», с вестью о гибели брата героя — его похоронил живьем русский наемник. Алексей узнает его фамилию и оказывается перед выбором: соплеменники давят на него — он должен отомстить за брата, но не способен это сделать. Он не может ни стать на сторону русских солдат, ни примкнуть к воюющей родне, он не хочет убивать и сходить со своего, однажды выбранного пути.

Это новый герой — он не из «Полетов», он — обремененный другими проблемами, но такой же растерянный, такой же неучаствующий. Своей непричастностью он неприятен многим.

Это человек только нарождающийся. Он духовно наполнен, а таким людям сейчас трудновато. Пытается жить наукой, которая ему интересна, намеревается получить ученую степень, которая теперь совершенно обесценена. Герой не «упакован» и не богат — все, что есть в его доме, сделано его руками. Это созданный им мир, его легко разрушить, но невозможно собрать заново.

— В конце фильма на экране вычерчивается короткая фраза — вы посвятили картину своему брату Валерию. Он погиб в Карабахе, или история Алексея — его судьба?

— Мой брат не воевал. Но все те годы, что в Карабахе шли бои, он медленно умирал. Брат не был ни с одной, ни с другой стороны. Его не стало, когда война уже закончилась. Он был замечательным футболистом, очень популярным в Степанакерте, играл за сборную Карабаха, его кличка Пушкин там многим известна. Помню время, когда стадионы кричали: «Пушкин, давай!» Брат был достоин многого, но у него как-то все не получалось. Видно, я отнял большую часть его везения. После его смерти пуповина, соединявшая меня с Карабахом, как бы отрезана.

Недавно я был на родине на могилах брата и мамы — добрался на вертолете. И одна, и другая воевавшие стороны и теперь настороже. Чем это кончится, я не знаю. Это как заноза, заталкиваемая внутрь: когда-то все равно воспалится.

— Почему же вы сняли фильм о Чечне, а не о Карабахе, не о брате, не о том, что действительно болит?

— О Карабахе не могу — слишком личное. Есть опасность быть пристрастным. Но, может быть, когда там начнется настоящее примирение, понадобятся посредники — именно такие люди, как я.

— «Две луны, три солнца» получили малоприятную критику. Вы не восприняли как обиду, несправедливость или как должное?

— На показе в московском Доме кино был довольно прохладный прием. Говорили, что картина якобы антирусская: мол, чеченец в ней благородный, а наемник, омоновцы — отрицательные персонажи. Но я не мог сделать такое «антикино» хотя бы потому, что вырос на русской культуре. Я выступил на стороне героя, ведь он индивидуум, он ни слева и не справа, хотя все его заставляют принять определенную сторону.

Можно говорить, что фильм оказался скучным, что в нем мало действия. Но ее главный персонаж — новый образ нашего времени.

— Не так давно в украинской прессе появился уничижительный материал о «геворкянах» и «балаянах», о неукраинцах, фильмы которых якобы ничего не дают украинской культуре. Вы никогда не хотели уехать в Армению или в Россию, где меньше шансов быть «уличенным» в национальной неблагонадежности?

— В Армении меня не очень ждут: когда я закончил Киевский театральный институт, Ереван еще два года думал, брать ли меня на работу. Потом, спасибо Параджанову и Мащенко, мне нашлось место в Киеве. Пока Параджанов был жив, культурная жизнь города была настолько объемна и самодостаточна, что я не мечтал ни о Москве, ни о Париже. Тогда в Киеве присутствовал некто, по которому можно было сверяться. Он мог обругать или, наоборот, восхвалить, и то, и другое делал безмерно. Он взращивал у нас такое состояние души, при котором хотелось что-то делать, пусть назло или наперекор реальному положению вещей. Но этот ориентир был потерян, когда Параджанова арестовали.

— Тогда вы сняли «Каштанку»?

— Да, фильм об учителе и учениках. У Чехова в главной роли собачка, у меня — клоун. В этой картине есть главка «Интермеццо» — посвящение Параджанову, у него был сценарий с таким названием.

— Вы делите жизнь на до и после Параджанова?

— Киевскую во всяком случае. После Параджанова культурный флер развеялся. Жизнь стала скучной. Работу нахожу в основном в Москве.

Янина СОКОЛОВСКАЯ,
«Известия».
КИЕВ.